

Р. Ю. ВИППЕР

Памяти великого учителя (Письмо в редакцию)

В настоящую минуту, когда так близка тяжелая утрата дорогого, бесконечно любимого человека, нет возможности оценивать создания его жизни. Только в самых общих чертах хочется отметить то, что дал нам его несравненный гений.

О том, чем был В. О. Ключевский как историк русского народа и русского общества, лучше и полнее меня сказали и, конечно, еще скажут специалисты русской истории. Моя цель — напомнить, чем был В. О. для всех нас, историков в широком смысле, какой великой силой был его талант в области всеобщей истории. Все мы, слушатели и ученики В. О., что он всегда рассматривал разработку русской истории с высшей, общей точки зрения. Как ни высока была в его глазах патриотическая задача изучения прямого прошлого нашего народа, но еще более важным считал В. О. познание нашей местной истории как живой доли, органической части общечеловеческого развития; знакомство с ней открывает путь к пониманию общих условий существования человеческих обществ. Но В. О. не только с необычайной ясностью понимал и формулировал задачу общего историка, — он и выполнял эту роль с замечательной силой и яркостью, он был нашим общим учителем в исторической науке, взятой в ее целом. Я принадлежу к тому счастливому поколению, которое в студенческие годы пережило подъем конца 70-х годов прошлого века и среди него услыхало впервые слово В. О. с кафедры Московского университета. Что он нам принес?

Мы знали давно выставленное требование, чтобы наша наука сделалась, наконец, из истории государства историей народа. И, однако, эти слова оставались добрым пожеланием: истории народа никто не умел представить вживе, и никто в университете не сумел бы нам даже сказать, какова она будет. И чем сильнее мы отдавались

великой социальной вере того времени, — народничеству¹, — тем более мы чувствовали этот огромный пробел, эту отсталость научного изучения и изображения сравнительно с властными требованиями общественных идеалов. В то же время мы читали в ученой литературе о новых задачах, выдвинутых наукой на Западе: теория гласила, что политические отношения, формы власти должны быть рассматриваемы лишь как поверхностные знаки более глубоких процессов социального перерождения: история народа должна быть социальной историей, исследованием судеб, образования, роста и разложения общественных слоев со свойственными им интересами и понятиями. Опять налицо была формула, было неопределенное искание, а не было исполнения.

В. О. дал нам в первых же курсах своих, читанных с конца 1879 года, социальную историю и притом в виде законченного целого, выполненного художественно-научного произведения. Он показал нам, какой она должна быть, и прежде всего поражало, что в его концепциях и картинах не чувствовалось схемы, не видно было скелета школьного построения; это был живой, как бы естественно возникший организм. Притом всякий вопрос русской истории поднимался на высоту вопроса общей истории. Начало Русского государства представлено у В. О. как соединение торговых республик с бродячими дружинами. Не открыл ли В. О. вообще одну из типичных комбинаций возникновения государства? Прикрепление крестьян в Московском государстве, по объяснению В. О., составляет результат частной практики поместных хозяев, системы задолженности сельских рабочих, которая превращает их в крепостные лица и места раньше, чем начинает в эти отношения вмешиваться государство. Верно или нет было объяснение В. О. к данному случаю, но оно властно поднимало общий вопрос: не найден ли здесь один из типичных путей, которым проходило прикрепление крестьян в странах Запада, в Римской империи, вообще в различные времена?

Мы получили в оригинальных, ослепительных, глубоких объяснениях В. О. не только ряд общих построений; мы тут же видели средства и приемы разработки социально-исторических вопросов, которые сами могли и должны были применять к разнообразным историческим эпохам, интересовавших нас как специалистов в той или другой области. И в этом смысле В. О. становился руководителем всего исторического изучения у нас. Если в Московском университете 40-е и 50-е годы неразрывно связаны с именем Грановского как вождя идей, то В. О. Ключевский дает имя нашей

исторической науке последнего 30-летия, начиная с 80-х годов прошедшего столетия.

Многих из нас занимало выяснить, у кого же в свою очередь учился В.О. искусству социально-исторического прозрения. Когда я раз спросил о том В.О., он ответил указанием на два источника: один — «История цивилизации» Гизо²; другой — впечатления, вынесенные В.О. как студентом в годы освобождения крестьян. Ответ был очень интересен в качестве автобиографической характеристики, но он тем не менее не мог удовлетворить. Ведь в самом деле, Гизо читали поколением раньше В.О., но никто не извлек из композиций французского историка методов и концепций социальной истории. Эпоха освобождения крестьян была громадным общественным катаклизмом, полным великих уроков, но лишь гениальный ум может найти их и указать их другим.

После этого разговора как-то не хотелось больше ставить вопрос о «влияниях», под руководством которых сложилось историческое мировоззрение В.О. Эти влияния — та же жизнь, те же впечатления, которые прошли одновременно перед глазами многих других. В отдельных частностях мировоззрения такого творца и обладателя идей мы найдем воздействие умственных и общественных течений времени; но то целое, в которое слились его мысли, составляет чудесную тайну, не сводимую ни на какие школы и посторонние влияния. В редкие моменты слагается изумительно счастливое сочетание умственных сил, глубокое прозрение, яркое ясновидение, чудный дар живого художественного слова, зажигается светоч, в лучах которого собираются все, кто хочет мыслить и работать.

